
Глава 12

Вся семья собралась за столом. Ужин к их возвращению успели разогреть дважды, так что теперь кушанья были как раз той приятной температуры, когда вкус раскрывается лучше всего.

Чэнь Цинъюнь, успевшая изрядно проголодаться в пути, ела с таким аппетитом, что почти не поднимала головы от своей пиалы.

Госпожа Ли заботливо подлила дочери наваристого бульона.

— Ешь, не торопись. Что же, неужто деревенская еда пришлась тебе не по вкусу?

— Вовсе нет, матушка, еда там отменная, — пробормотала девочка с набитым ртом. — Да только посуда больно грязная.

Ван Ин пояснил:

— Глиняная утварь — не чета фарфору. В пористых стенках легко скапливается и пыль, и копоть, оттого они и кажутся неопрятными.

Чэнь Цинъянь невольно вспомнил свою первую поездку в поместье. Тогда он повёл себя точно так же, за что и получил от отца суровую отповедь. Глядя на то, как сестра повторяет его ошибки, он не смог сдержать мимолётной, едва заметной улыбки.

Госпожа Ли, заметив это, строго взглянула на дочь:

— Надеюсь, ты не позволила себе лишнего и не обидела гостеприимных хозяев?

— Что вы, матушка, я вела себя чинно. Просто ела чуть меньше обычного.

Сидевший рядом Чэнь Цинсун сгорал от любопытства.

— Сестрица, ну расскажи, в поместье интересно? Жаль, что мне сегодня пришлось идти в школу, я бы тоже с радостью съездил.

— Да ничего там особенного, — отозвалась Цинъюнь. — Всю дорогу только деревья да трава. А когда приехали, солнце уже в зените стояло, жара такая, что и носа на улицу не высунуть. Так и просидела весь день в доме старосты.

Молодой человек решил дополнить её рассказ:

— Зато мы со старостой осмотрели поля. Урожай пшеницы в этом году обещает быть неплохим, а на освободившихся участках уже всю зеленеет просо. Скоро пшеницу просушат, продадут, и вырученные деньги доставят в город.

Госпожа Ли молча кивнула. Она мало что смыслила в сельских делах, но раз уж доверила Ван Ину управление домом, то полагалась на его рассудительность без лишних распросов.

Закончив с трапезой, он велел Люцзы занести вещи из повозки. Хозяин принялся разбирать гостинцы, показывая их домочадцам.

— Эти лесные грибы — настоящая находка, — юноша продемонстрировал корзинку с дарами леса. — Зимой, если добавить их к тушёной курице, аромат будет просто божественный.

Это было знаменитое блюдо северной кухни, вкус которого он помнил ещё по прошлой жизни.

— А вот дикие финики тоже чудо как хороши. Мы с Цинъюнь уже успели оценить их в дороге, — с этими словами он протянул один из плодов Чэнь Цинъяню.

Тот принял подарок, осторожно поднёс к лицу, вдыхая терпкий аромат, и откусил кусочек. В то же мгновение его лицо исказилось в гримасе — плод оказался невыносимо кислым.

Ван Ин весело рассмеялся.

— Ах да, совсем забыл предупредить: их нужно оставить в тепле, пока не станут мягкими, вот тогда они будут по-настоящему сладкими.

Выплюнув косточку, Чэнь Цинъянь метнул на него колючий взгляд. Этот гэ'эр явно сделал это нарочно.

Тот в ответ лишь озорно подмигнул и продолжил раздавать подарки.

Плетёная из соломы птица досталась Чэнь Цинсуну. Хоть мальчик и старался казаться взрослым и степенным, он всё же оставался ребёнком: получив игрушку, он тут же принялся вертеть её в руках, не в силах скрыть восторга.

Вещицы были простыми, но в них чувствовалась жизнь, и каждый в семье нашёл себе подарок по душе.

Когда с гостинцами было покончено, потекли неспешные разговоры. Слово за слово речь зашла о лесных духах и чудесах, и Ван Ин решил поведать им историю о волшебной чаше — ту самую, которую когда-то в детстве, в его прошлой жизни, рассказывала ему бабушка.

— Жили некогда люди, и не было у них в доме ни достатка, ни проку. Случилась в тех краях великая засуха, и земля перестала давать плоды. Отец с матерью, желая спасти детей от голодной смерти, отдавали им крохи еды, а сами угасли один за другим. Остались дети одни, и когда запасы подошли к концу, старший брат взял старую плошку и отправился просить подаяния.

Рассказчик обвёл взглядом слушателей; те замерли, внимая каждому слову.

— Но и у соседей закрома опустели, никто не мог поделиться и горстью зерна. Весь день юноша бродил по дорогам, голодный и усталый, а к вечеру сел у реки и горько заплакал. Вдруг, откуда ни возьмись, перед ним предстал старый нищий. Увидев чужое горе, он спросил, о чём так печалится путник. Юноша поведал ему свою беду: родители мертвы, хлеба в доме нет, и скоро младшие братья и сёстры тоже покинут этот мир. Старик вздохнул, достал из-за пазухи невзрачную глиняную пиалу и протянул её парню со словами: «Возьми её, положи внутрь хоть одно зёрнышко, а наутро у вас будет еда».

Он сделал паузу, видя, как в глазах слушателей вспыхнул интерес.

— Юноша, не слишком веря в чудо, вернулся домой. На дне пустого ларя он нашёл последнее рисовое зерно и бросил его в чашу. Он думал, что старик просто посмеялся над ним, но каково же было его изумление, когда, проснувшись на рассвете, он обнаружил, что сосуд полон отборного риса!

В горнице раздался дружный вздох. В древние времена, когда развлечений было немного, подобные сказки захватывали разум без остатка.

— Теперь им больше не грозил голод. Юноша сварил похлёбку и накормил младших. На следующую ночь он снова положил в чашу несколько зёрен, и наутро она вновь была полна до краёв. Так они пережили лихолетье, и дела их пошли в гору. Но прошли годы, дети выросли, обзавелись своими семьями и начали спорить, кому же должна принадлежать чудесная пиала.

— Раз её принёс старший брат, то ему она и должна достаться по праву, — вставил Чэнь Цинсун.

Старший сын не согласился:

— Они ведь плоть от плоти, кровь от крови. Разумнее было бы пользоваться ею всем вместе.

— Людские сердца алчны, — покачал головой Ван Ин. — Каждому хотелось владеть сокровищем в одиночку. Братья разругались в пух и прах, дело дошло до драки. И как раз в тот миг мимо снова проходил тот самый старый нищий. Увидев, как братья проливают кровь друг друга из-за куска глины, он лишь печально вздохнул.

Госпожа Ли, нервно сжимая в руках платок, спросила:

— И что же было дальше?

— А дальше старик запел песню «Разлука родных по крови», и в ту же секунду пиала, стоявшая в шкафу, разлетелась вдребезги. С тех пор волшебство исчезло, и сколько бы зёрен туда ни клали, сосуд оставался пустым.

Слушатели притихли, погружившись в печальные раздумья. Если бы семья жила в мире и согласии, не было бы их счастьем конца. Но жадность, словно змея, проглотившая слона, лишила их всего.

Заметив, что старший сын выглядит утомлённым, госпожа Ли поднялась:

— Время позднее, пора и честь знать. Ступайте отдыхать.

Цинъюнь и Цинсуну сон был ни в одном глазу — им непременно хотелось проверить, нет ли в доме своей чудесной чаши. Госпожа Ли, не в силах спорить с сорванцами, велела матушке Тянь принести из кухни несколько мисок.

Молодой человек тем временем выкатил кресло с супругом во двор. Ночь была тихой, в высоком небе дрожали редкие звёзды, а лёгкий ветерок приносил прохладу.

— Если положить в такую чашу серебро, — внезапно нарушил тишину Цинъянь, — станет ли она к утру полной денег?

Ван Ин негромко прыснул:

— Ты всё ещё об этом думаешь?

Чэнь Цинъянь неловко кашлянул, скрывая смущение:

— Просто история любопытная...

— В подлунном мире чудеса просто так не случаются. Большинство таких историй — лишь выдумка, а если чудо и происходит, за него всегда приходится платить свою цену.

Тот поднял голову, вглядываясь в сияющий диск луны.

— Неужели в мире и вправду существует воздаяние за поступки?

— Я верю, что да. Что посеешь, то и пожнёшь — рано или поздно плоды вернутся к тебе.

Ван Ин невольно вспомнил своих родителей из прошлой жизни. После развода они оба создали новые семьи и совершенно забыли о сыне. В детстве это было невыносимо больно, но, повзрослев, он понял: в этом было и своё благо. Он не был связан обязательствами, не должен был заботиться о них в старости и не чувствовал груза сыновьего долга. Разве это не было своего рода воздаянием за их бывшее безразличие?

Вернувшись в спальню, Ван Ин привычным движением подхватил мужа на руки, чтобы переложить на кровать.

У юноши от такой бесцеремонности даже кончики ушей запылали пунцовым.

— Это... в следующий раз позови дядю Чэня, я сам справлюсь...

Ему доставляло истинное удовольствие дразнить его в такие моменты.

— Я твой законный супруг. Что дурного в том, что я ношу тебя на руках?

— Испокон веков муж носил супруга, а не наоборот... Где это видано?

— Не то чтобы я в тебе сомневался, — усмехнулся Ван Ин, — но ты-то меня поднимаешь?

Тот вспыхнул от негодования:

— Вот поправлюсь, тогда и увидишь!

— Что ж, тогда скорее поправляйся.

Он взял чистое бельё и отправился в купальню. После целого дня на пыльных полях и жаре тело было липким от пота, и горячая вода казалась сейчас лучшей наградой. Благо, в доме Чэнь была отдельная комната для омовений, где можно было с комфортом смыть с себя дорожную усталость.

К тому времени, как он закончил, было уже почти время Сюй. Мысли Ван Ина то и дело возвращались к его экспериментальному полю, и он поспешил обратно в спальню.

Супруг ещё не спал, дожидаясь его возвращения. Едва Ван Ин вошёл, муж задул масляную лампу.

Устраиваясь на своём тюфяке, молодой человек уже готов был провалиться в сон, как вдруг услышал тихий голос Цинъяня:

— Послушай... Если я больше не смогу заниматься наукой, какое дело мне лучше выбрать?

— Может, податься в торговлю?

— И чем же мне торговать?

Он на мгновение задумался. В этом мире всё было иначе, чем в его прошлом: почти каждое ремесло и отрасль были монополизированы старыми кланами. К примеру, две зерновые лавки в городе принадлежали братьям, унаследовавшим дело от деда, и они полностью покрывали нужды округа. Рынок был перенасыщен, и новой лавке просто не нашлось бы места. К тому же, торговля в эти времена была сопряжена с огромным риском: дороги опасны, без опытных проводников и связей легко можно было лишиться и товара, и головы.

— Купечество — дело хлопотное и опасное... Постой, ты ведь грамотен и начитан. Почему бы тебе не открыть частную школу? Мог бы обучать детей грамоте.

В глазах юноши вспыхнул живой огонёк. Это и вправду было выполнимо. Он всегда питал страсть к учению, и если бы не та трагедия...

— Да... пожалуй, это хорошая мысль. Буду учить детей!

Ван Ин сладко зевнул.

— Вот и славно. Только сначала наберись сил.

В комнате воцарилась тишина. Молодой человек закрыл глаза, вызывая в памяти образ своего поля. Вчера он успел убрать лишь часть пшеницы, сегодня нужно закончить остальное, чтобы к осени подготовить семена для поместья.

«Открыть экспериментальное поле»

Перед глазами на мгновение вспыхнул яркий свет, а когда он снова открыл их, то обнаружил

себя в ином пространстве.

Пшеница на поле уже полностью созрела. Золотистые колосья, убранные вчера, лежали аккуратной кучей, а остальные требовали немедленной жатвы.

Закатав рукава, он взял прихваченный из дома серп и принялся за работу. Но не успел он сделать и пары движений, как сверху, словно из другого мира, донёлся голос Чэнь Цинъяня:

— А где лучше устроить школу? Дома, пожалуй, не стоит — матушка любит тишину, а дети будут шуметь. Наверное, лучше подыскать отдельный дом в городе... Как ты думаешь? Спишь?

Ответа не последовало. В комнате стояла пугающая, неестественная тишина.

Он неловко повернулся и бросил взгляд на пол, туда, где лежал Ван Ин. В ту же секунду его зрачки сузились, а всё тело словно прошел разряд тока.

В неверном серебре луны, пробивавшемся сквозь окно, Чэнь Цинъянь отчётливо видел: тюфяк был пуст. Под одеялом никого не было.

<http://bllate.org/book/15812/1423593>